Само прозвище Бибрис, очевидно, намекает на этот порок Боброва (от лат. bibere — пить).[85]

Против Боброва выступали самые талантливые поэты эпохи и представители направления, побеждавшего в литературном движении начала века, и, казалось бы, имя Боброва должно было окончательно исчезнуть из истории литературы. Этого, однако, не произошло.

Когда прошел пыл литературной борьбы и битвы «Беседы» с «Арзамасом» остались позади, имя Боброва неожиданно снова начинает привлекать внимание ведущих литераторов 20-х годов, и в первую очередь нужно назвать здесь Пушкина. В начале своего творческого пути Пушкин осыпает Боброва колкими насмешками, варьирующими злые эпиграммы Батюшкова и Вяземского.[86]

Затем в течение нескольких лет в известных нам текстах Пушкина имя Боброва не встречается. К мыслям об этом поэте он возвращается только в годы южной ссылки. 27 июля 1821 г. в письме из Кишинева Пушкин просит брата: «Пришли мне „Тавриду" — Боброва»,[87] а спустя полгода называет эту просьбу в числе «препоручений самых важных».[88]

Можно думать, что возникновение интереса к творчеству Боброва летом 1821 г. было вызвано сближением Пушкина в это время с С. А. Тучковым. Тучков, игравший заметную роль в «Беседующем гражданине», несомненно лично знал Боброва. Пушкин

---

[85] Можно думать, что сам Бобров «подсказал» своим литературным врагам это прозвище. В 1806 г. он опубликовал отрывок из английского журнала «Зритель», в котором говорилось: «... кормилица императора Нерона, будучи весьма пристрастна к пьянству, вселила гнусный навык сей и в знатного питомца своего, который напоследок столько известен стал по сему пороку, что народ очень часто, замечая в нем оной, вместо Тиберия Нерона называл его Биберием Мером (Biberius Mero)» («Лицей», 1806, ч. III, кн. 3, стр. 86—87; ср.: «The Spectator», 1711, vol. III, № 246, стр. 294).

[86]
И снова бес монаха соблазнять,
Чтоб усыпить, Боброва стал читать.

(„Монах", 1813).

Что лучше эдаких стихов?
В них смысла сам бы не проникнул
Покойный господин Бобров.

(„Тень Фонвизина", 1815).

Ср. приведенную выше эпиграмму Вяземского или начало «Видения на берегах Леты» Батюшкова (1809):

Вчера Бобровым утомленный,
Я спал и видел странный сон!

[87] А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в десяти томах, т. X, изд. 2-е, АН СССР, М., 1958, стр. 29. Далее цитируется по этому изданию.

[88] «Письмо, где говорил я тебе о Тавриде, не дошло до тебя — это меня бесит — я давал тебе несколько препоручений самых важных в отношении ко мне...» (там же, стр. 33).